

О ПАРАДОКСЕ «СЕМИОТИКИ ЖИЗНИ»:
РАБОТЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ЮРИЯ ЛОТМАНА

К. Куль¹, Е. Вельмезова²

¹ Тартуский университет, факультет семиотики
ЕЕ51014, Эстония, Тарту, ул. Якоби, 2

² Лозаннский университет, факультет гуманитарных наук
СН-1015, Швейцария, Лозанна, корпус Anthropole, каб. 4086
Поступила в редакцию 29.05.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-1

В ряде интервью начала 90-х годов Юрий Лотман размышлял о границе, разделяющей человека и животных. Всегда интересовавшийся животными, в трудах последних лет жизни ученый говорил о включении коммуникации животных в семиосферу. В то же время, согласно модели Лотмана, для семиозиса требуются как минимум два языка с частичной неперебиваемостью между ними, однако к миру животных эта модель им явно применена не была, в чем состоит очевидный парадокс работ ученого, написанных незадолго до смерти. Это противоречие объясняется тем, что Лотман не успел до конца продумать соответствующие вопросы, хотя в то время о проблемах этого рода уже писали другие исследователи. На сегодняшний день проблема взаимоотношения цикличности и открытости, старого и нового, повтора и новизны, алгоритмичности и неалгоритмичности как аспектов семиозиса и каждого акта интерпретации разработана в семиотике в недостаточной степени, благодаря чему работы позднего Лотмана актуальны и в настоящее время.

Ключевые слова: биосемиотика, общая семиотика, Юрий Лотман, семиосфера, первичные моделирующие системы.

Размышляя над трудами последних лет жизни Ю.М. Лотмана, в том числе над его малоизвестными работами и интервью, мы обратили внимание на один парадокс, связанный с общей семиотикой, а если точнее — с границей семиотического характера, разделяющей человека и животное.

Заметим, что система основных понятий, развиваемая Лотманом в последние годы жизни¹, пока проанализирована недостаточно, в частности с точки зрения общей семиотики. Это касается, к примеру, изучения (логического) взаимоотношения — в рамках лотмановской модели — тесно связанных между собой понятий индивидуальности, непредсказуемости, (не)прерывности², полилингвальности, неперебиваемости, семиозиса. Кроме того, лотмановская система понятий как таковая не была разработана до конца, ряд важных изменений ученый внес в нее уже незадолго до смерти. Однако, несмотря на некоторые

© Куль К., Вельмезова Е., 2018

¹ См. в этой связи: (Автономова, 2014).

² См., например, следующее положение: «В этом смысле непрерывность — это осмысленная предсказуемость» (Лотман, 1992, с. 17).

разногласия в интерпретации понятий в текстах позднего Лотмана (см.: Салупере, 2017), «без сомнения, такая система существует», хотя ее «выявление осложнено» (Чернов, 1997, с. 10; см. также: Kull, 2015). Лотман явно стремился к научной ясности, неоднократно подчеркивая, что семиотика является наукой и что хорошо разработанная система понятий для нее, несомненно, важна. Вот что он писал по этому поводу в 1992 году:

Поэтому тут опасность только в том, что термины будут недостаточно определены. Даже не всегда это можно определить, но, по крайней мере, можно пытаться. <...> Понимаете, у меня очень часто бывает, что, когда приходит новая мысль, я сдвигаю употребление терминов, не предупредив читателей. Вот с этим надо бороться (Kull, Lotman, 2015, p. 177 – 178).

Животными, как известно, Лотман интересовался всю жизнь, и некоторые замечания о зоосемиотике как правомерной части семиотики можно найти уже в его работах 1960-х годов (см., например, Лотман, 1998). Об интересе к «животной проблематике» свидетельствуют и программы семиотических семинаров, которые организовывались под руководством Лотмана в Эстонии, а также содержание сборников «Труды по знаковым системам», издававшихся при его жизни³. Однако очевидно, что в последние годы вопросы семиотики жизни занимали Лотмана больше, чем раньше⁴.

В частности, в некоторых интервью начала 1990-х годов Лотман размышляет о границе, разделяющей человека и животных. Сегодня это сложная, комплексная, во многом семиотическая проблема (к примеру, животные не способны к овладению знаками символического характера, в отличие от людей, в естественных языках которых такие знаки преобладают⁵). Лотман, однако, рассуждал в иных терминах: для него граница между человеком и животным — это граница, разделяющая поведение непредсказуемое и предсказуемое. По Лотману, человек, в отличие от животных, непредсказуем и способен удивлять:

...можно сказать, что поведение человека в принципе отличается от поведения животных тем, насколько значительную роль в нем играет непредсказуемое (Лотман, 2010, с. 134);

...новизна — это результат принципиально непредсказуемых ситуаций (Там же, с. 46).

³ В настоящее время мы готовим исследование на эту тему.

⁴ Проблема различия между человеком и животными обсуждается, например, в ряде глав в книгах «Непредсказуемые механизмы культуры» (Лотман, 2010, гл. «Диалог на разных языках», «Мода — Одежда», «Мастерская непредсказуемости», «Вместо заключения») и «Культура и взрыв» (Лотман, 1992, гл. «Мыслящий тростник», «Мир собственных имен», «Дурак и сумасшедший», «Момент непредсказуемости»). О некоторых контактах Лотмана с биологами и о его интересе к биологии см. также: (Kull, 1999).

⁵ См., например: (Deacon, 1997).

Вот его более подробные высказывания на эту тему:

В этом, между прочим, принципиальная и для меня до сих пор необъяснимая разница между живыми существами, для которых наиболее ответственные моменты жизни запрограммированы, и способом поведения, присущим человеку, который может совершать неожиданные поступки, и эти неожиданные, не запрограммированные наследственно типы поведения охватывают все большую часть жизни и постепенно делаются главными. Это довольно странная вещь, если над этим задуматься.

Семиотика животных изучает такие моменты, как, скажем, половое общение, питание, воспитание; они образуют традиционные формы, и животное усваивает их, передает их. Это поведение является языком, напоминающим наш язык фольклора. Оно повторяется как одинаковое и каждый раз воссоздается заново, между тем как человек относит повторяющиеся формы поведения на второй план и выдвигает вперед непредсказуемое поведение. Неслучайно, видимо, появившийся человек казался животным сумасшедшим, и я думаю, в этом состояла причина того, что относительно слабое существо, предок человека, смогло не только выжить, но и погубить гораздо более сильных животных. Они не могли предсказывать его поведение.

Когда встречаются животные, в семиотических ситуациях, в ситуациях боя, свадьбы, драки между хищниками... они совершают гораздо больше жестов, чем реально сражаются, и с помощью жестов выясняют намерения, силу, поведение противника и отвечают, происходит очень сложный диалог, но он абсолютно ритуален, его можно очень просто описать как балет. Они совершают стабильные движения, конечно, из стабильных движений для разных ситуаций можно создать относительно большой набор, но для животного человек вел себя непредсказуемо. Как нормальному человеку очень трудно драться с сумасшедшим, так и животным, вероятно, было трудно. Животные сильно деформированы под влиянием тысячелетних контактов с человеком. Я думаю, что сейчас животные, те, которые выжили, искажены, и по ним судить о нормальном поведении животных, вероятно, очень трудно. Условное нормальное животное совершало предсказуемые жесты, человек же по своей природе ведет себя непредсказуемо (Lotman, 1990b, l. 15 – 16).

Высказывания Лотмана содержат следующий парадокс. С одной стороны, ученый считал поведение животных предсказуемым, тем самым «отказывая» им в семиозисе (а значит, исключая и способности животных к созданию нового, к интерпретации ситуации некоторым новым образом). С другой стороны, коммуникация животных составляла для него часть семиосферы.

Сегодня положение Лотмана о предсказуемости поведения животных, конечно, следует оспорить. Современные биосемиотики сходятся во мнении, что непредсказуемость и семиозис напрямую связаны (Hoffmeyer, Emmeche, 1991; Hoffmeyer, 2008). Индивидуальность присуща не только людям, но и животным (по крайней мере, если говорить о млекопитающих), если не живым существам вообще. Если же мир животных — это мир, в котором имеет место семиозис (что оправдывает существование зоосемиотики как особой дисциплины), это означает, что и животное по своей природе непредсказуемо: животные также обладают определенной свободой выбора, другое дело, что по сравнению со свободой выбора человека свобода действий животных действительно может казаться очень и очень ограниченной, минимальной.

В последние годы жизни Лотман и не отрицал того, что семиозис имеет место не только в системах, относящихся к человеческой коммуникации, но и в системах, связанных с животными. Процитируем, например, то, что Лотман писал о семиосфере в 1990-е годы:

У нас есть основание утверждать, что единичные акты семиотического характера действительно имеют место быть и что они возможны только как проявления семиотического универсума. По аналогии с биосферой наша планета окружена реальной семиосферой, синхронно включающей в себя все множество сигналов от птичьего пения до радиосигналов искусственных спутников, диахронно же — всю культурную память человечества, от «записей» нейронов в мозгу и генетической памяти до библиотек, коллекций фильмов и музеев. Каждая семиотическая система функционирует, находясь в определенных отношениях с другими системами и уровнями семиосферы. И если мы можем утверждать, что полное развитие сложной структуры характеризуется самоописанием (самоосознанием), тогда возникновение семиотики как науки в середине XX века также является фактом современной культуры, признанием того, что процесс формирования глобальной семиосферы завершился (Lotman, 1991, l. 4).

Обратим здесь особое внимание на «птичье пение» как часть семиосферы для Лотмана: получается, что семиозис существовал для него и за пределами человеческих знаковых систем. Лотман также уточнял определение понятия первичных моделирующих систем, включая в последние и биологические коды:

Семиотические структуры более простого типа называются первичными моделирующими системами: начиная с симптоматиологии (не случайно, что в XIX веке слово «семиотика» означало изучение симптомов болезней, и кафедра диагностики в Тартуском университете называлась кафедрой семиотики), а также со всех сигналов, которые кибернетика помещает на выходе из «черного ящика», и заканчивая дорожными знаками, зоосемиотикой и парасемиотикой, а также системами естественных языков (к примеру, английского, эстонского, польского, русского и т.д.) поверх этого слоя — это все живые и мертвые языки в мире (Ibid., l. 3).

Кроме того, в уже цитированном выше интервью 1990 года, рассуждая о понятии непредсказуемости, Лотман и сам напрямую говорит о включении биологии в теоретическую семиотику:

Семиотика означает две вещи. Одна вещь — это семиотика как описание, как перевод некоторой деятельности на адекватный научный язык. Вторая — понимание самого механизма. Первый аспект более формален; конечно, для ученого слово «формальный» не таит... никакого отрицательного оттенка, а второй касается в большей мере внутреннего механизма.

Применительно к биологии семиотика может повернуться двумя сторонами — как механизм описания различных коммуникаций в животном мире. Мы можем относительно хорошо описывать поведение высших животных, семиотик будет интересоваться этим поведением как формой общения. Гораздо более сложным, я думаю, будет описание поведения насекомых. Я, думаю, знаком с поведением насекомых, когда-то я этим очень интересовался и долгое время, до университета, собирался быть энтомологом. Меня до сих пор это интересует.

Животные с насекомыми (прошу прощения, если буду говорить глупости, это не моя специальность) — в этой сфере для семиотической структуры, которую мы строим, мы невольно должны использовать привычные для человека языки, например понятие «индивидуальности», поскольку семиотика включает человеческую ситуацию передачи информации от одной индивидуальности к другой или же интеллектуальные процессы, тоже связанные с индивидуальностью.

Очень трудно решить, что такое индивидуальность у насекомых и в какой мере это понятие вообще к ним применимо, особенно когда мы имеем дело с муравьями или с теми насекомыми, где нам по аналогии легче всего найти параллель с человеком. Это настолько другие языки и другие миры, что я не знаю, можем ли мы вообще переходить на этот язык. Это мнение невежды, я на нем не настаиваю, я только хотел бы быть осторожным в перенесении категорий, извлеченных из человеческой семиотики, поскольку надо еще доказать, что такие основные семиотические понятия, как индивидуальность, общение, язык, вообще применимы [к насекомым], ведь мы языки все-таки используем как знаковое общение, но возможно, существует незнаковое общение, для которого у нас нет механизмов понимания — пока что, по крайней мере.

Я оптимист и полагаю, что человек сможет очень многое понять с помощью науки, понять совершенно от природы ему не данное, но опасен путь прямых перенесений. Поэтому трудно проникнуть в сознание немлекопитающих, не высших позвоночных, не коллективных млекопитающих или хищников, а насекомых (кстати, почему не допустить общения у одноклеточных?). Как можно забыть идею Выготского об индивидуальности мира вообще, о том, что мир может быть рассмотрен как некоторое живое целое, по крайней мере — живой мир. Но это языки, которые для нас пока закрыты, и я не сторонник научно-фантастических романов. Ученый должен знать, где он ограничивает себя, а наука отличается от приятных научных фантазий тем, что она не может многое, и ученый начинает с того, что ясно понимает, чего он не может. Фантасты всё могут, все добрые пожелания им, но я к ним не принадлежу.

Таким образом, я говорил бы о семиотике млекопитающих. Это мне представляется реальностью, это другая семиотика, другой тип языка — но мы не только люди, мы и млекопитающие, и поэтому мы обладаем возможностями и этого языка. Он может быть загружен, он может быть более динамичен или менее динамичен.

Появление языка в нашем смысле слова было переворотом, может быть, трагическим, но коренным переворотом, и создало совершенно другую ситуацию. Это один аспект подхода семиотики к животным, так сказать, то, что позволяет нам проникнуть в мир семиотических констант, постоянных ситуаций и общения, которое передается по наследству. Но очень интересно и то, что сходно у животных с людьми, и вообще я думаю, что зоосемиотика должна стать частью лингвистики или лингвистика частью зоосемиотики — не будем спорить о чинах, но мне представляется, что зоолог должен быть лингвистом или же, может быть, лингвист должен быть зоологом.

Это вещи связанные, и я думаю, что семиотика, может быть, есть тот мост, который позволяет перекинуть здесь общение. [При этом] семиотика связана не только с человеческим сознанием, но и с автоматическим сознанием, с машинным сознанием. Таким образом, мы можем получить некоторый большой мост: машина — человек — животное (хотя бы высшее животное, доступное нам), и увидеть, что у них общего. Видимо, общего очень много, и только это позволит вычленивать динамику, отличия (Lotman, 1990b, l. 18–19).

Сравнивая животных и человека, Лотман характеризует коммуникацию животных как циклическую, неиндивидуальную, монологичную — но все-таки охватываемую семиотикой⁶. Он пишет:

«Разговор» животных одного и того же вида — общение на одном и том же языке. Это следует понимать в том смысле, что получатель сообщения извлекает из передаваемых ему звуков или жестов лишь то, что содержит определенный смысл — игра языком исключается (Лотман, 2010, с. 38).

С другой стороны, Лотман ясно понимает, что «монологичность» не может быть основой семиозиса:

...абстракция одного языка общения как основы семиозиса — дурная абстракция, ибо она незаметным образом искажает всю сущность механизма. Конечно, мы можем рассматривать случаи, приближающиеся к относительной идентичности передающего и принимающего механизмов, и, следовательно, общение с помощью одного-единственного канала. Однако это не генеральная модель, а частное пространство, абстрагируемое из «нормальной» полилингвальной модели (Лотман, 1992, с. 45).

Мысль о том, что порождение значения требует ситуации непереводимости, которая возможна лишь для — как минимум — двух языков, для Лотмана в 1990-е годы становится столь важной и принципиальной, что он говорит об этом в начальных главах всех трех книг, написанных в это время (Lotman, 1990a; Лотман, 1992; Лотман, 2010). Но чтобы один язык в рамках этой модели вообще оставался семиотической системой, нужно допустить, что и один язык в каком-то смысле состоит из нескольких языков.

Итак, с одной стороны, Лотман считал поведение животных предсказуемым, тем самым «отказывая» животным в семиозисе. С другой стороны, коммуникация животных составляла для него часть семиосферы, а следовательно, предполагала семиозис. Это противоречие можно объяснить тем, что Лотман не успел до конца продумать соответствующие вопросы, хотя в то время о проблемах этого рода уже писали другие исследователи (см., например, Sebeok, 1979). Если точнее, в последние годы жизни Лотман пришел к формулировке фундаментального механизма семиозиса, но, очевидно, не успел в деталях продумать вытекающие из него последствия, коренным образом меняющие семиотическую интерпретацию и понимание различий между человеком и животными. Однако несмотря на это противоречие — а может быть, отчасти и благодаря ему — работы позднего Лотмана сегодня так интересно читать.

⁶ Лишь в немногих случаях Лотман прямо говорит о существовании свободы выбора у животных — к примеру, в заключении к книге «Непредсказуемые механизмы культуры»: «Характерно, что даже у тех млекопитающих, у которых элементарной единицей поведения является стадо (коллектив), в период обрядов, связанных с продолжением рода, активизируется индивидуальный выбор. Сам императив выбора... поведения, который возникает в этот момент у стадных животных, а в дальнейшем у человека делается постоянным механизмом, в корне меняет всю систему» (Лотман, 2010, с. 187; цитируется по неотредактированной версии 1992 года).

Впрочем, проблема взаимоотношения цикличности и открытости, старого и нового, повтора и новизны, алгоритмичности и неалгоритмичности как аспектов семиозиса и каждого акта интерпретации является пока недостаточно разработанной и в сегодняшней семиотике.

Список литературы

- Автономова Н.С. Поздний Лотман // Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., 2014. С. 219–227.
- Лотман Ю.М. Люди и знаки [1969] // Вышгород. 1998. № 3. С. 133–138.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
- Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры [1992]. Таллинн, 2010.
- Салупере С. О метаязыке Юрия Лотмана: проблемы, контекст, источники. Тарту, 2017. (Dissertationes Semioticae Universitatis Tartuensiss ; 27).
- Чернов И.А. Опыт введения в систему Ю. М. Лотмана // Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 5–13.
- Deacon T.W. The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain. N.Y., 1997.
- Hoffmeyer J. Biosemiotics: An Examination into the Signs of Life and the Life of Signs. Scranton, 2008.
- Hoffmeyer J., Emmeche C. Code duality and the semiotics of nature // On Semiotic Modeling / eds. M. Anderson, F. Merrell. Berlin, 1991. P. 117–166.
- Kull K. Towards biosemiotics with Juri Lotman // Semiotica. 1999. Vol. 127, iss. 1/4. P. 115–131.
- Kull K. A semiotic theory of life: Lotman's principles of the universe of the mind // Green Letters: Studies in Ecocriticism. 2015. Vol. 19, iss. 3. P. 255–266.
- Kull K., Lotman Y. Au sujet de la sémiotique de la vie et de l'évolution. (Entretien de Kalevi Kull avec Youri Lotman. Tartu, Juin 1992) // Slavica Occitania / éd. E. Velmezova. 2015. Vol. 40 : L'École sémiotique de Moscou-Tartu / Tartu-Moscou. Histoire. Épistémologie. Actualité. P. 165–182.
- Lotman Ju. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture / transl. A. Shukman. L., 1990a.
- Lotman Ju. "Vita aeterna" intervjuu. (Tammaru, Toomas, toim.) // Vita aeterna : [рукописный журнал]. 1990б. № 5. L. 12–20.
- Lotman Ju. Eessõna eestikeelsele väljaandele // Lotman Ju. Kultuurisemiootika: Tekst – kirjandus – kultuur. Tallinn, 1991. L. 3–6.
- Sebeok Th.A. Prefigurations of art // Semiotica. 1979. Vol. 27, iss. 1/2. P. 3–73.

Об авторах

Калеви Куль, профессор, Тартуский университет, Эстония.
E-mail: kalevi.kull@ut.ee

Екатерина Вельмезова, профессор, Лозаннский университет, Швейцария.
E-mail: ekaterina.velmezova@unil.ch

Для цитирования:

Куль К., Вельмезова Е. О парадоксе «семиотики жизни»: работы последних лет Юрия Лотмана // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 6–14. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-1.

THE PARADOX OF THE 'SEMIOTICS OF LIFE':
YURI LOTMAN'S LATER WORKS

K. Kull¹, E. Velmezova²

¹ Department of Semiotics, University of Tartu, Jakobi 2, EE51014, Tartu, Estonia

² Faculté des lettres, Anthropole, Bureau 4086, Université de Lausanne,
CH-1015 Lausanne, Suisse

Submitted on May 29, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-1

In a series of interviews given in the early 1990s, Yuri Lotman contemplated the boundary between the human and the animal. Keenly interested in animals, the scholar stressed in his later work the need to include animal communication in the semiosphere. Lotman's model holds that semiosis requires at least two languages between which instances of untranslatability occur. However, he did not extend this model to animal communication. This is the apparent paradox of Lotman's later work. Lotman might not have had enough time to think these problems through, although these issues had been addressed earlier by other authors. The problem of the relationship between cyclicity and openness, the old and the new, repetitions and novelty, the algorithmicity and non-algorithmicity as aspects of semiosis and of each act of interpretations has not been sufficiently investigated. Therefore, Lotman's later work deserves attention today.

Keywords: Yuri Lotman, biosemiotics, general semiotics, animal semiosis, semiosphere, primary modelling systems.

References

Avtonomova, N.S., 2014. Pozdnij Lotman [Late Lotman]. In: N.S. Avtonomova. *Otkrytaya struktura: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov* [Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. Moscow, pp. 219–227 (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 1998. *Lyudi i znaki* [People and signs]. In: *Vyshgorod*, 3, pp. 133–138 (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 1992. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 2010. *Nepredskazuemye mekhanizmy kul'tury* [Unpredictable culture mechanisms]. Tallinn (in Russ.).

Salupere, S., 2017. *O metazykyke Yuriya Lotmana: problemy, kontekst, istochniki* [On the metalanguage of Yuri Lotman: problems, context, sources]. Ph.D. University of Tartu (in Russ.).

Chernov, I.A., 1997. Opyt vvedeniya v sistemu Yu.M. Lotmana [Introduction experience to the system by Yu. M. Lotman]. In: Yu.M. Lotman. *O russkoi literature: Stat'i i issledovaniya (1958 – 1993)* [On Russian literature: Articles and studies (1958 – 1993)]. St. Petersburg, pp. 5–13 (in Russ.).

Deacon, T.W., 1997. *The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain*. New York: W.W. Norton.

Hoffmeyer, J., 2008. *Biosemiotics: An Examination into the Signs of Life and the Life of Signs*. Scranton: Scranton University Press.

Hoffmeyer, J., Emmeche, C., 1991. Code duality and the semiotics of nature. In: M. Anderson, M. Floyd, eds. *On Semiotic Modeling*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 117–166.

Kull, K., 1999. Towards biosemiotics with Juri Lotman. *Semiotica*, 127(1/4), pp. 115–131.

Kull, K., 2015. A semiotic theory of life: Lotman's principles of the universe of the mind. *Green Letters: Studies in Ecocriticism*, 19(3), pp. 255–266.

Kull, K., Lotman, Yu., 2015. Au sujet de la sémiotique de la vie et de l'évolution. (Entretien de Kalevi Kull avec Youri Lotman. Tartu, Juin 1992.) *Slavica Occitania*, 40, pp. 165–182.

Lotman, Yu., 1990a. *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. London: Tauris.

Lotman, Ju., 1990b. "Vita aeterna" intervjuu. (Tammaru, Toomas, toim.). *Vita aeterna*, 5, pp. 12–20.

Lotman, Ju., 1991. Eessõna eestikeelsele väljaandele. In: Ju. Lotman. *Kultuurisemiootika: Tekst – kirjandus – kultuur*. Tallinn: Olion, pp. 3–6.

Sebeok, T. A., 1979. Prefigurements of art. *Semiotica*, 27(1/2), pp. 3–73.

The authors

Prof. Kalevi Kull, University of Tartu, Estonia.

E-mail: kalevi.kull@ut.ee

Prof. Ekaterina Velmezova, University of Lausanne, Switzerland.

E-mail: ekaterina.velmezova@unil.ch

To cite this article:

Kull K., Velmezova E. 2018, The paradox of the 'semiotics of life': Yuri Lotman's later works, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 6–14. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-1.